

Л. А. Молчанова

## ОРУДИЯ УБОРКИ ЗЕРНОВЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ)

В настоящее время в связи с развернувшейся во всех республиках Советского Союза работой над Историко-этнографическим атласом большое значение приобретают вопросы, затрагивающие различные стороны материальной культуры того или иного народа.

В данной статье характеризуются сельскохозяйственные орудия и постройки белорусов конца XIX — начала XX в., связанные с уборкой урожая, первичной обработкой, переработкой и хранением зерновых культур.

\* \* \*

Обработка земли под посев и сам процесс сева считались у белорусов мужским делом; исключение составляли вдовы, не имевшие взрослых сыновей, — они сами вспахивали землю сохой. Жатва же была преимущественно женским занятием; мужчины брались за серп, как и женщины за соху, только при неблагоприятных семейных обстоятельствах.

Все зерновые культуры в Белоруссии жали серпом и лишь при плохом урожае либо большой засоренности поля некоторые культуры (ячмень, овес) косили косами, а гречиху на каменистых почвах рвали руками; горох обычно косили.

Древнейшее земледельческое орудие жатвы — серп, с его характерной изогнутой формой железного лезвия, равно как и его название, известно всем славянским народам. Серпы, употреблявшиеся у белорусов и других славянских народов, а также у соседей белорусов — латышей и литовцев Прибалтики, имели зазубренную режущую поверхность. Такие серпы издавна применялись в Европе. В северо-западных районах Польши, в Эстонии и Финляндии были гладкие серпы. По утверждению С. А. Токарева, область распространения гладких серпов занимала всю Центральную и Южную Европу<sup>1</sup>. Гладкие серпы, в отличие от зазубренных, употреблялись преимущественно при резании травы, ссекании тростника, а не для жатвы зерновых; поэтому, по-видимому, и бытовали они главным образом на тех территориях, где от жатвы серпом перешли к уборке зерновых косой. Металлическое лезвие серпа насаживалось на короткую деревянную ручку и работать приходилось согнувшись.

В южных районах Белоруссии нередко наряду с серпами при уборке зерновых использовались обычные косы-литовки, около лезвия которых укрепляли грабельки. Косы с грабельками появились в Белоруссии, вероятно, под влиянием украинцев, так как в степных районах Украины косьба зерновых практиковалась довольно широко в XIX в.

При жатве серпом предварительно заготавливали «перевясло», которым связывали сноп. Для перевясла часто брали старую вымолоченную солому, складывали два пучка колосьями вместе и, сделав узел, клали на землю. Затем на это перевясло укладывали пучки сжатого хлеба. Жали правой рукой, а левой захватывали как можно больше стеблей ближе к корню, чтобы больше осталось соломы после молотбы. Для

<sup>1</sup> С. А. Токарев, О культурной общности восточнославянских народов, «Сов. этнография», 1954, № 2.

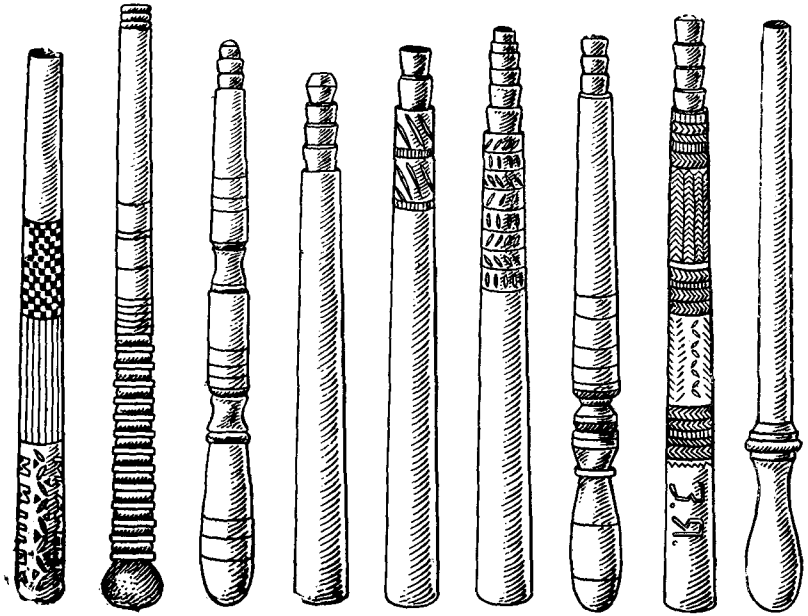


Рис. 1. Цурки-закрутки из Кобринского и Лунинецкого районов Брестской области

плотной увязки снопов в некоторых районах юго-западной Белоруссии употреблялась «цурка», «закрутэнь», «дзераво», «кныбель» — палочка длиною в 20—30 см с зазубринами на более тонком конце (рис. 1). Северная граница распространения цурки в Белоруссии проходит по линии Кобрин — Лунинец — Речица.

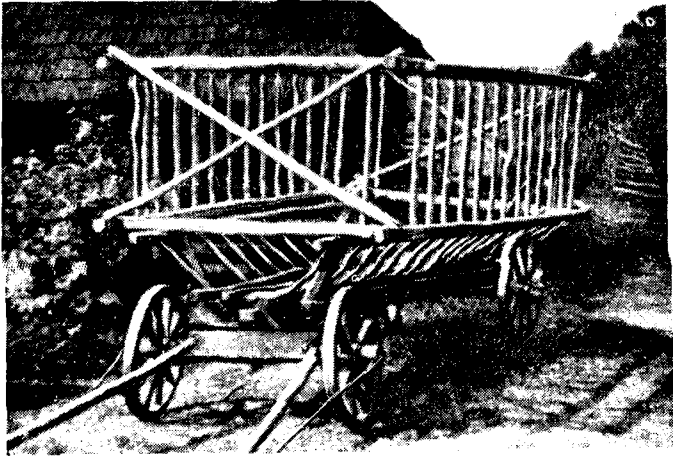


Рис. 2. Специальная повозка «мажары» для перевозки снопов (дер. Дятли Мядельского р-на Минской области).

Связанные перевязком ржаные снопы складывали по 10—15 штук в копы — «мэтлики» или «бабки». Несмотря на различные названия, общий вид зерновых коп был однотипен по всей Белоруссии. Снопы ставили на комель, прислоня колосьями друг к другу. Одним снопом накрывали остальные снопы сверху, ставя его комлем вверх, и он, как шапкой, накрывал верх бабки.

Уборку урожая начинали обычно с ячменя раннего посева. Сжатый ячмень лежал рядами на поле двое-трое суток; затем его связывали в снопы. Рожь, сжатая в стадии

восковой спелости, стаяла в бабках 5—6 дней. После такой солнечно-воздушной сушки снопов в поле их свозили на специальных повозках («драбины», «мажары», «рэды») в гумно (рис. 2). Чтобы меньше было потерь зерна, снопы при перевозке складывали колосьями в середину и прижимали сверху длинной жердью — «рублем».

Климатические условия Белоруссии, обилие осадков привели к необходимости сооружения закрытых помещений как для обмолота зерна, так и для его просушки и хранения. Таким помещением было гумно, называемое также клуней («клунай») или током («токам»). Термин «гумно» применительно к специальной постройке известен был в большей части Белоруссии. Только в пределах современной Витебской и северной части Минской областей господствующим был термин ток, а в юго-западных районах (Кобринском и Малоритском)

Брестской области — клуна<sup>2</sup>. В местах, где постройку для молотбы называли током и клуней, термином гумно обозначали площадь около этих построек. Специальная постройка этого типа (гумно, ток, клуна) была необходимой принадлежностью каждого зажиточного и среднего крестьянского хозяйства. Для предохранения от пожаров ее ставили всегда вдаль от жилья, за огородами. По своему внешнему виду и планировке гумна были довольно разнообразны. Большинство их — прямоугольные в плане; пяти-, шести-, восьмиугольные встречались лишь изредка в южных районах Белоруссии. Независимо от плана гумна, его крыша была чаще всего четырехскатной и крылась преимущественно соломой (рис. 3). Размеры гумен — около 10 м длины и 8 м ширины, а у более зажиточных крестьян — 21—25 м ширины и 57 м длины. Сруб в гумнах такого большого размера скреплялся рублеными углами с краев и столбами — «шулами» вдоль стен (рис. 4).

Строительная техника гумен долго оставалась архаичной. Крыша держалась на столбах — «сохах», поставленных внутри гумна в два ряда. В естественные развилки столбов горизонтально укладывались бревна, на них в двух-трех местах, в зависимости от размеров постройки, ставились козлы, а на козлы укладывалось бревно («соломя», «сволок»), служившее опорой крыши. На «соломя» вешали жерди — «кручча», другой конец которых покоился на верхних бревнах стены. В верхнем конце каждой жерди просверливалось отверстие, куда вбивался колышек, образуя род крюка. На «кручча» укладывали тонкие жерди — «латы», а на них — кровельный материал.

Посреди гумна выбивался глиняный ток для молотбы. Между «сохами» и боковыми стенами гумна отгораживали «засторонки» для снопов. Внутри гумна с боков иногда пристраивали длинные узкие навесы для хранения сена, соломы и половы.

В северо-восточных районах Белоруссии внутри гумна ставили примерно на расстоянии одного метра от задней стены специальные сушильни — «осети» («осець», «восець», «осетка») и «евни» («еўня»).

Осеть — наиболее древний вид сушильни — представляла собой почти квадратный в плане (2×2, 2,5×2,5 м) сруб (рис. 5). Строилась осеть в два этажа, разделенных деревянным настилом: в нижней камере разводили костер — «цяпло» или ставили печь, а сверху помещали снопы для просушки. Тепло проходило снизу через отверстия в

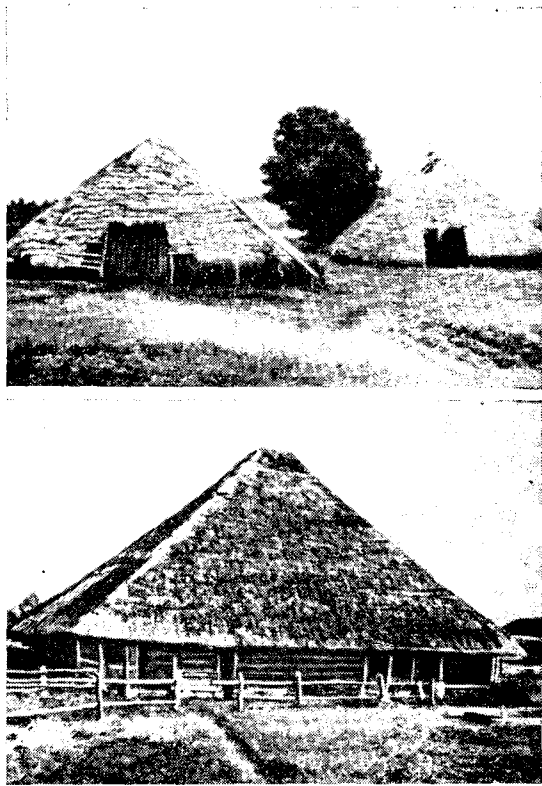


Рис. 3. Гумна с четырехскатными крышами для хранения и молотбы зерновых (дер. Мегуны Поставского р-на Витебской области).

<sup>2</sup> «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карта 235.

настиле, сделанные около двух противоположных стен во всю их длину. Чтобы сухое зерно не ссыпалось вниз, шели настила промазывали глиной. Для входа в осеть прорубали низенькую дверь, а сверху для посадки снопов прорезали окошко квадратной формы. Перед окном снаружи делали настил во всю длину стены, шириною около 70 см, на котором находился человек, подающий снопы в осеть. Снопы в осети ставились на колосники («цапки», «рэлки») — свободно перемещавшиеся жерди, которые укладывали на укрепленные в боковых стенах балки. При сушке в осетях постоянно поддерживали огонь, так как помещение не имело плотного покрытия и поэтому тепло в нем не задерживалось. Осети в Белоруссии встречались двух типов: верховые и ямные. Ямные осети, в которых печь или костер располагались на некотором углублении в грунте (иногда до метра глубины), были в южных районах Гомельской области (Брагинском, Хойникском, Речицком). В более северных районах (Могилевская область) углубления в нижней камере не делалось, здесь костер или печь находились на поверхности земли.

Во второй половине XIX в. двухэтажные осети стали вытесняться одноэтажными сушильнями — «евнями», которые по традиции в некоторых местах сохранили старое название осетей. Евня, как и осеть, ставились внутри гумна. Это обычно невысокая срубная постройка с плотным бревенчатым потолком. Со стороны молотильного тока в ней прорубали невысокую дверь, а почти у самой земли — маленькое окошечко, через которое выгребали осыпавшееся при сушке зерно. В противоположной от двери стене также прорубали небольшое окно, в которое во время топки печи выходил дым. Внутри евни с правой или левой стороны от входа в углублении ставилась печь — каменка или глинобитная, площадью  $1 \times 1$  или  $1,5 \times 1,5$  м<sup>2</sup> и от 80 см до 1 м высотой. Печь топилась по-черному. На пространстве, не занятом печью, выбивали глинобитный ток или делали деревянный настил, промазанный глиной. Над этой площадкой укладывали жерди — «цапки» для установки снопов. Зачастую снопы ставили

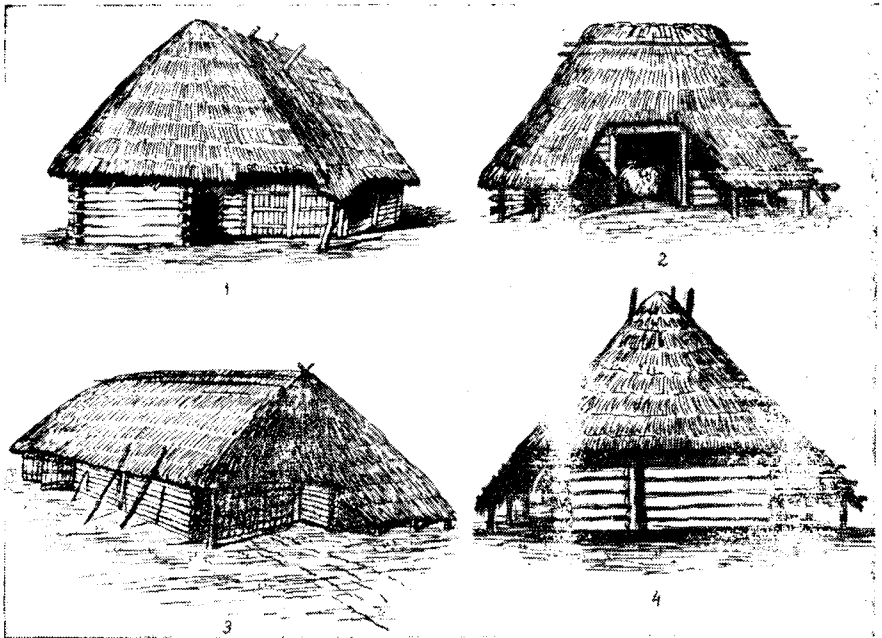


Рис. 4. Гумна для хранения и молотбы зерновых с боковыми пристройками: 1, 2 — клуныя (дер. Близная Пружанского р-на Брестской области), 3, 4 — клуныя (дер. Гудзки Кобринского р-на Брестской области)

и вдоль стен прямо на ток. Во избежание пожаров это пространство отгораживали от печи неплотной перегородкой из жердей или узких тесин. Над печью снопы, как правило, не ставили. При сушке в евне затрачивалось меньше топлива, так как в ней после того, как печь истоплена, закрывали плотно дверь и окна.

Евни в конце XIX в. были распространены главным образом в северо-восточных районах (Витебская и север Могилевской области). В начале XX в. они стали постепенно исчезать по мере введения механизированных молотилок, на которых мо-

лотили, как правило, «сыромолотом», поэтому и отпала необходимость в предварительном просушивании снопов.

В юго-западной Белоруссии вследствие более теплого климата, а также сложившейся здесь традиции довольствовались лишь солнечно-воздушной сушкой зерновых; снопы сохли или прямо на земле, или на специальных деревянных жердяных приспособлениях — «озеродах» («азяроды», «зяроды», «взяроды»), которые ставили обычно в пригуменьях. При сооружении озерода вбивали в землю три-четыре толстых столба по одной линии, на расстоянии около 2 м один от другого. Во всех столбах на одном уровне просверливали или вырубали отверстия, в которые вставляли горизонтально жерди. На эти жерди (диаметром 10—15 см) укладывали снопы. В северных районах Белоруссии жердяные сооружения типа озеродов, называемые здесь переплотами, островками, островьем, использовались преимущественно для просушки гороха, вики, клевера, картофельной ботвы; лишь в дождливую погоду на них просушивали зерновые перед огневой сушкой (рис. 6).

Область распространения жердяных озеродов идет широкой полосой по центральной Белоруссии, от ее южной границы до северной. На западе граница проходит по линии городов Лельчицы — Житковичи — Ганцевичи — Клецк — Несвиж — Столбцы — Ивенец — Ошмяны; на востоке — по правобережью Днепра и его притокам Друти и Березине. В западных районах (современные Гродненская и Брестская области) озероды были неизвестны. Здесь зерновые молотили «сыромолотом» — без специальной просушки — прямо с поля или из гумна. Неизвестны были озероды также в современной Могилевской области и в восточных районах Витебской и Гомельской области, где зерновые перед молотью просушивали в специальных сушильнях (карта 1).

Кроме центральной и северной Белоруссии, жердяные сооружения типа озеродов известны были также в северных областях у русских, в Прибалтике у литовцев и латышей и у многих других народов Европы.

Молотьбу белорусские крестьяне начинали обычно рано утром, задолго до рассвета. Когда с молотью совпала уборка картофеля, широко практиковалась ночная молотьба — «окурки» при свете фонарей или лучины. При молотьбе ржаные снопы укладывали по середине тока в два ряда колосьями вместе так, чтобы один ряд немного захлестывал другой. Молотили обычно в два-три-четыре цепа; удобнее было последнее. В южных районах Белоруссии молотьба у зажиточных крестьян затягивалась иногда на всю зиму. В северных районах, где снопы сушили в осетях и внях, все вымолачивали сразу же после уборки урожая независимо от степени зажиточности крестьянина.

Основное орудие молотьи — цеп — состоял из длинной гладко обструганной палки — «цапилна», к которой с помощью ременной или веревочной привязки прикреплялась более короткая палка — «бичук», «бич» (рис. 7).

Если названия основных частей цепа в Белоруссии повсеместно были более или менее однородными, с незначительными фонетическими вариантами, то название привязки и сам способ соединения цапилна с бичуком были весьма разнообразны. На севере Белоруссии (Витебская область) применялся способ, называемый «привязь», «привязка» — с помощью веревки: один конец ее укреплялся на вырезанной шейке цапилна, а второй — в сквозном просверленном отверстии бичука. В Полоцком районе и в ряде других мест Витебской области использовалось так называемое двухпетлицовое вязание: веревочная «привязка» укреплялась в глубоких выемках — «зарезах» на концах цапилна и бичука. Двухпетлицовое вязание широко известно также в Латвии и соседних с Белоруссией районах русских областей.

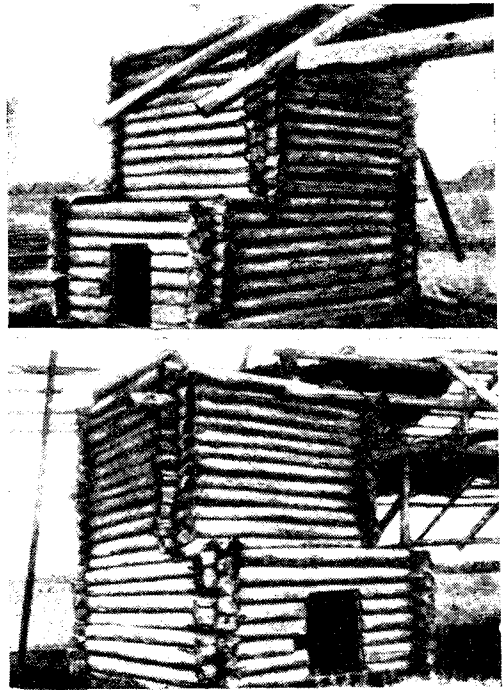


Рис. 5. Общий вид сети для просушки зерновых (дер. Большие хутора Краснопольского р-на Могилевской области)

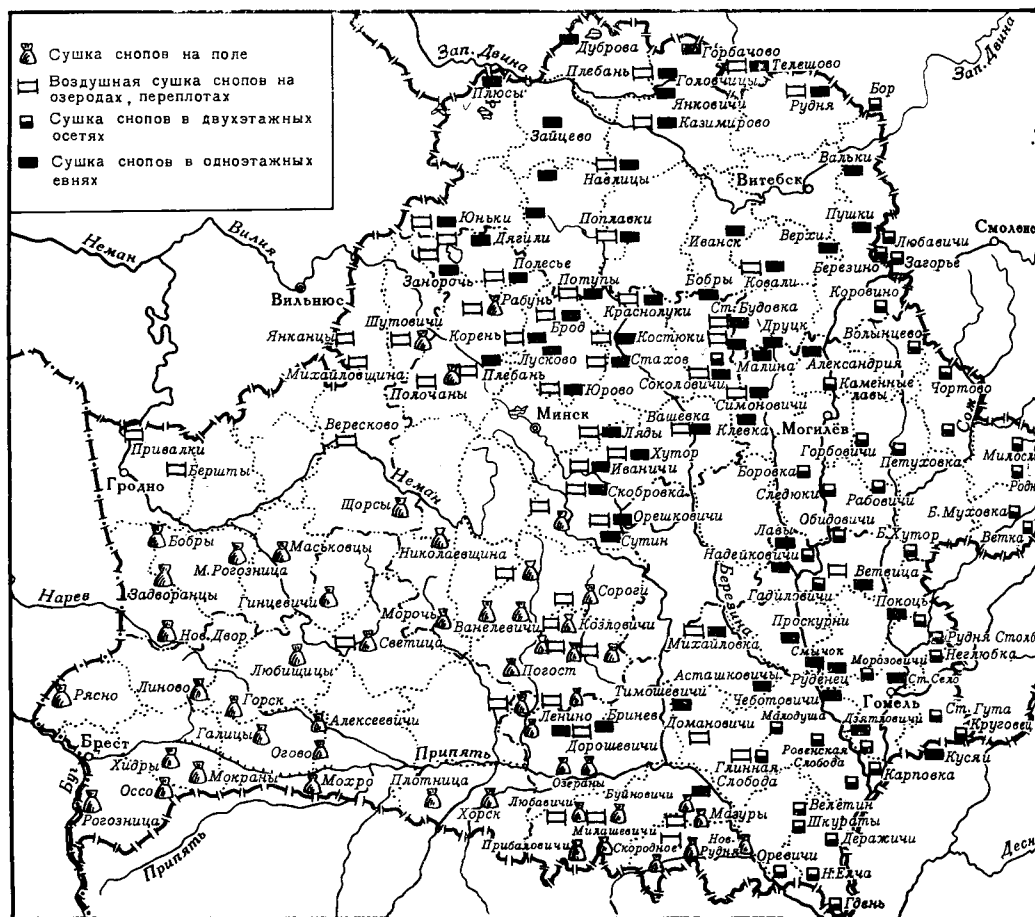
В центральных и южных районах Белоруссии чаще встречалась так называемая капицевая увязка, состоявшая из двух ременных петель, плотно прикрепленных к цапину и бичуку и соединенных ременной же привязкой. Капицевый способ крепления был наиболее распространенным у белорусов.

Долгое время в Белоруссии сохранялся старинный способ обмолачивания зерна обиванием, для чего сноп брали за комель и обивали колос о деревянный чурбан или угол какой-либо хозяйственной постройки (осети и пр.). В ряде районов Могилевской и Гомельской областей была специальная обивалка, сделанная из жердей в виде широкой лесенки, поставленной на землю под углом  $35-40^\circ$  (рис. 8).

Механизированные молотилки в Белоруссии появились в 40-х годах XIX в., но лишь в помещичьих имениях. В крестьянских хозяйствах только во второй половине XIX в. стали применяться ручные и конные молотилки с приводом (рис. 9). Таких молотилок было всего сдана-две на деревню, а иногда и волость. Их приобретали обычно не отдельные хозяева, а группа крестьян на паевых началах.

Наибольшее число молотилок, преимущественно с конным приводом, использовалось в крестьянских хозяйствах Минской губернии, наименьшее (и ручных, и конных) — в Гродненской.

В южных районах Белоруссии, где, как уже указывалось, молотба затягивалась до зимы, зажиточные хозяева хранили необмолоченные снопы не только в закрытых гумнах, но также и в стогах (карта 2), которые ставили в ряд за гумнами в отдалении от построек. Хлебный стог складывали на плотном помосте — «подке», опирающемся на четыре дубовых столбика, высотой до 1 м. Столбики тщательно и гладко выскаб-



Карта 1. Распространение типов сушилок для зерновых культур в конце XIX в. (составлена по материалам экспедиций сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора Белорусской ССР)

ливали, чтобы по ним не могли лазить грызуны. Хранение хлебных злаков на свайных помостах характерно было для районов бассейна р. Припяти, в местах низменных, заливаемых паводком.

Закладку хлебного стога производил обыкновенно сам хозяин. Взобравшись на подок, он клал крестообразно четыре снопа на самой середине подка, колосьями внутрь, комлями наружу. Каждый новый ряд снопов несколько выдвигался над нижними

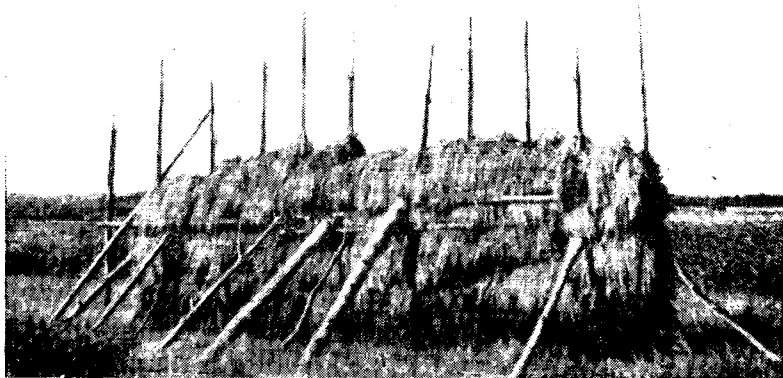
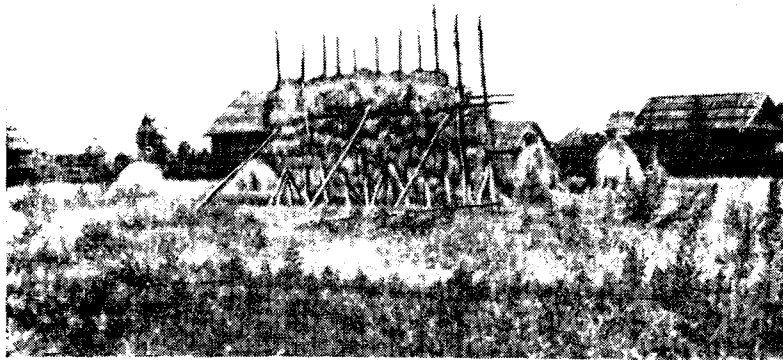


Рис. 6. Сушка снопов на «островках» (дер. Рудня Городокского р-на Витебской области)

так, что по мере увеличения высоты стога, он расширялся со всех сторон, и на середине высоты принимал самые широкие размеры, откуда кладку снопов постепенно сужали, сводя конусообразно кверху. Стог накрывали мятой соломой или болотной сухой осенней травой. Чтобы такую крышу не развеял ветер, на нее накладывали 12—15 пар срубленных под корень тонких длинных березок, связанных верхушками попарно и закинутых на стог так, что связанные верхушки приходились на верх его, а комли свешивались по сторонам. Во избежание оползания соломы, в самую широкую часть стога втыкали тонкие палочки — «тычечки» толщиной в палец и длиной в 35—40 см на расстоянии 70 см одна от другой. «Хорошо сложенный стожок может простоять лет 30 и более, и мыши в него не проникнут, и хлеб «збожжа» не испортится от времени, главное — зерно не потеряет своей всхожести», — писал об этом способе хранения зерновых П. В. Шейн<sup>3</sup>.

Обмолоченное зерно обычно в тот же день начинали провеивать. Лишь беднейшая часть белорусского крестьянства, у которой постоянно недоставало зерна, употребляла

<sup>3</sup> П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III, СПб., 1902, стр. 238.

в пищу хлеб из невеянного зерна. Провеивали вплоть до XX в. по старинке, с помощью ветра, простой или специальной совковой лопатой — «шуфликам», «велялкой» с короткой ручкой (рис. 10). Эту работу выполняли чаще женщины, сидя на корточках или на низком чурбанае; мужчины веяли, присев на одно колено.

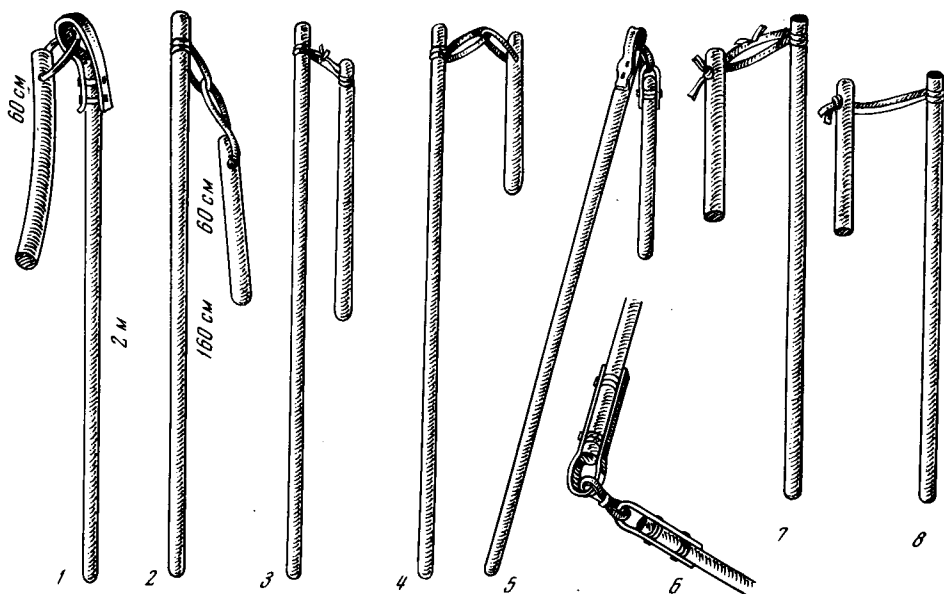


Рис. 7. Способы увязки цепов: 1 — цеп из дер. Гадиловичи Рогачевского р-на Гомельской области; 2 — цеп из дер. Полоница Кричевского р-на Могилевской области; 3 — цеп из дер. Мышковичи Кировского р-на Могилевской области; 4 — 8 — цепи из дер. Иванск Бешенковичского р-на Витебской области

Провеивали обычно в гумне неподалеку от открытых ворот, чтобы проникающий ветер относил плевку к середине гумна.

В помещичьих хозяйствах Белоруссии в XIX в. «почти у каждого помещика имела веляка»<sup>4</sup>. У крестьян же механизированные вельки — «арфы» в конце XIX —

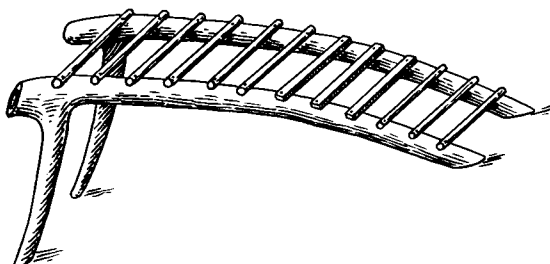


Рис. 8. Жердяная обивалка (дер. Гадиловичи Рогачевского р-на Гомельской области)

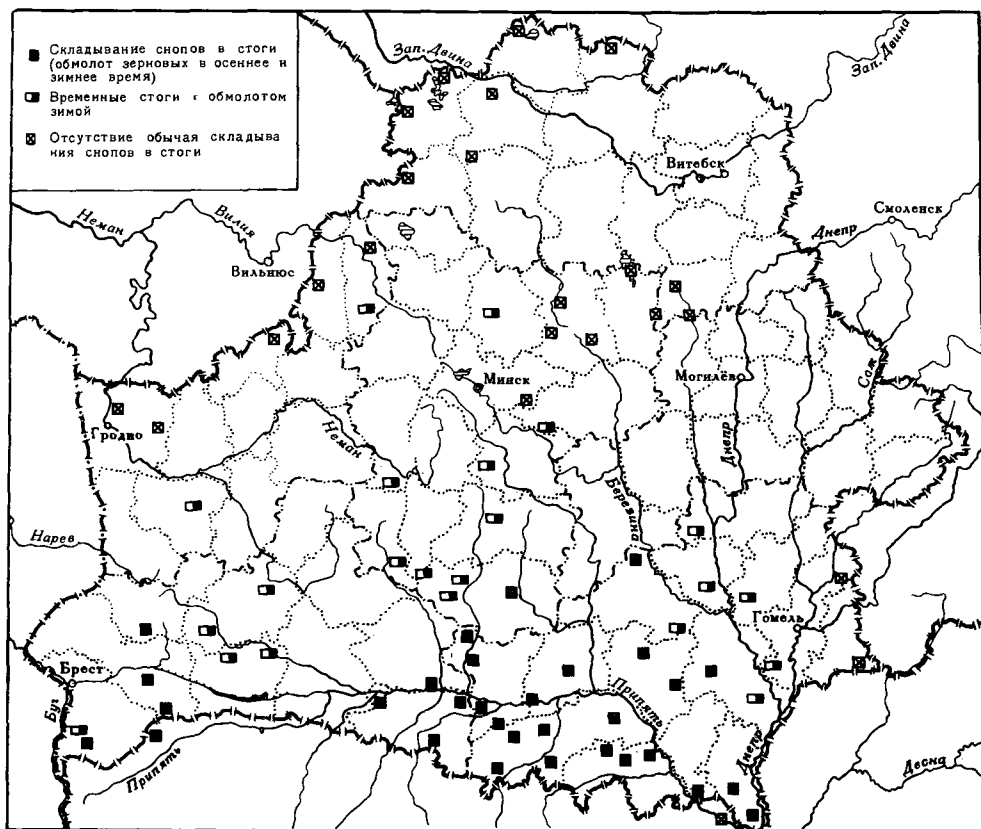
начале XX в. были только в самых зажиточных хозяйствах. В начале XX в. в Гродненской губернии, например, одна веляка приходилась на 763 десятины пахотной земли, в Минской — на 222 десятины. В Гродненской губернии на одну веляку приходилось 149 хозяйств<sup>5</sup>. Таким образом, в большинстве крестьянских хозяйств вплоть до XX в. господствовали старинные способы и орудия провеивания.

<sup>4</sup> Н. Н. Улащик, Орудия производства и системы земледелия в помещичьих хозяйствах Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя, «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», М., 1961, стр. 177.

<sup>5</sup> «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.», СПб., 1913, стр. XXII—XXIII.



Провеянное зерно в XIX в. довольно часто хранили в специальных ямах<sup>6</sup>, которые, как сообщил П. Бобровский в середине XIX в., были выстланы соломой и сверху прикрыты землей. «В этих ямах хлеб мог сохраняться по несколько лет без всякой порчи,— писал он,— но от присутствия мякины скоро тухнет и становится негодным к употреблению»<sup>7</sup>.



Карта 2. Складывание снопов в стоги (конец XIX — начало XX в.)

Хлебные ямы копали обычно где-либо недалеко от дома, в местах с глубоким залеганием глинистого слоя. Глубина ямы была от 2 до 4 м, стенки ее обкладывались берестой. Вход в яму, узкий от поверхности земли (35—45 см в диаметре), постепенно расширялся, образуя в разрезе как бы кувшин с узким горлышком. Хранение зерна в ямах Е. Р. Романов объяснял не только стремлением спасти его от пожаров, но и сравнительной легкостью устройства самих ям: «Деревя совершенно не требуется, что важно при недостатке лесных материалов»<sup>8</sup>. Яму с зерном сверху закрывали березовой корой, досками и засыпали землей. Хлебные ямы были неизвестны в полесских районах, где грунтовые воды подходили близко к поверхности земли.

<sup>6</sup> Хранение зерна в ямах на белорусских землях с древности было весьма распространенным явлением. Об этом свидетельствуют археологические раскопки селищ и городищ, а также летописные указания на «житные ямы» («Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 75). Из сообщения А. Гванини, относящегося к XVI в., мы узнаем, что белорусы и литовцы, собрав хлеба и обмолотив, сберегают их в ямах под землей, «старательно для этого вырытых в сокрытии лесов и внутри хорошо выложенных корою деревьев» (цит. по «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», Мінск, 1936, разд. III, № 29, стр. 136).

<sup>7</sup> П. Бобровский. Гродненская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами ген. штаба, ч. II, СПб., 1863, стр. 40.

<sup>8</sup> Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. VIII, Вильно, 1912, стр. 22.

Характерная для белорусов грушеобразная форма ямы была широко распространена и за пределами Белоруссии. Ямы такой формы известны были, например, в североукраинских районах.

Во второй половине XIX в. хлебных ям уже почти не было, провянное зерно повсеместно хранили, как правило, в специальных срубных постройках — «клетях», или

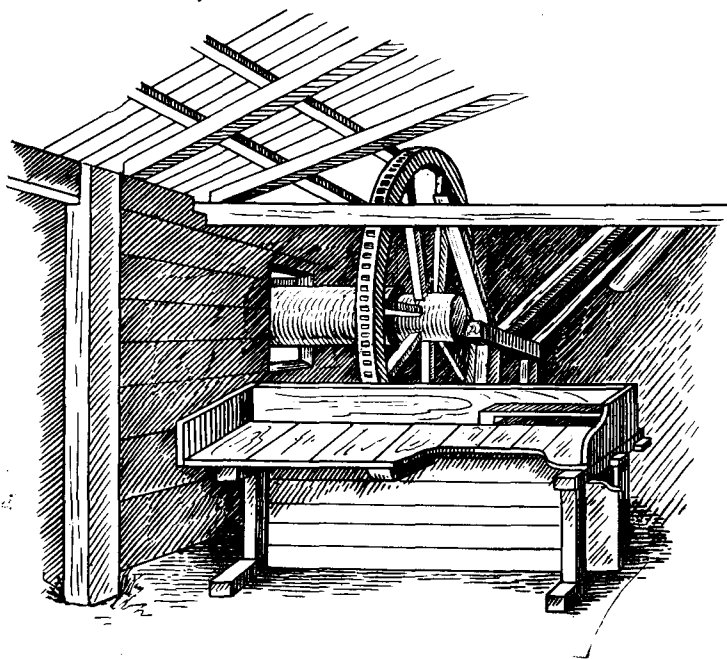
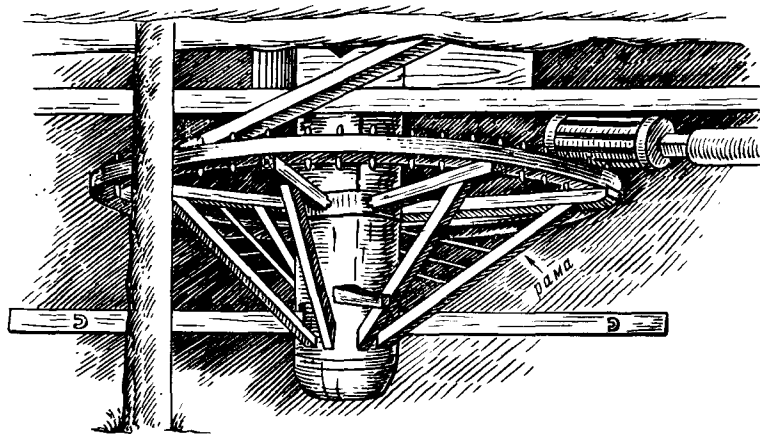


Рис. 9. Деревянные молотилки («малатарни») с приводом (дер. Городное Столинского р-на Брестской области)

«свирилах». Название «клеть» было характерно для восточной Белоруссии, где оно сосуществовало с термином «амбар». Термин «свиран» («свириень», «свириен», «свири», «свиринок») чаще всего употреблялся в западных белорусских областях<sup>9</sup>. Независимо от названия тип постройки на всей территории Белоруссии был относительно однообразным (рис. 11, 12).

<sup>9</sup> «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карта 239.

Клеть и свирон ставили либо в одном комплексе с жилой хатой через сени от нее, либо, как и амбар, отдельно во дворе. В последнем случае ее старались построить поближе к хате, на виду.

Строили клеть основательно: во избежание сырости ее всегда ставили на фундаменте — деревянном («штанدارах») или каменном (из булыжника), высотой 35—50 см.

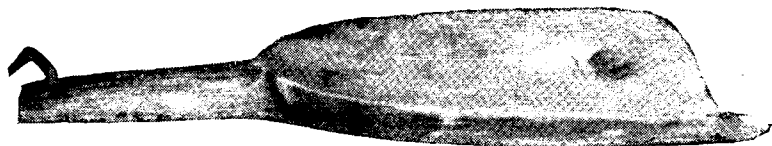


Рис. 10. Совковая лопата — «веялка» для ручного провеивания зерна (дер. Паре Пинского уезда). Пинский краеведческий музей



Рис. 11. Свирон (дер. Клевица Ошмянского р-на Гродненской области)



Рис. 12. Свирон (дер. Плебань Молодеченского р-на Минской области)

На фундаменте укладывали сначала основной венец и настилали пол — «мост», а затем ставили сруб, чаще квадратный в плане (4×4 м), высотой около 2 м. Сруб сооружали преимущественно из круглых бревен, которые хорошо пригоняли друг к другу. Нижние два венца сруба со стороны входа обычно выступали наружу и соединялись между

собой досками, образуя крыльцо — «ганак», «переклець», «прыклетнік». Над крыльцом делали навес, поддерживаемый двумя-четырьмя столбиками. Двухскатную, реже четырехскатную крышу покрывали досками, соломой или камышом. Потолок клали плоский дощатый или сводчатый бревенчатый (предпочитали последний как более прочный). Щели в досках пола заделывали планками и замазывали глиной. Невысокие двери сколачивали из массивных досок. Окон в клетях не прорубали.

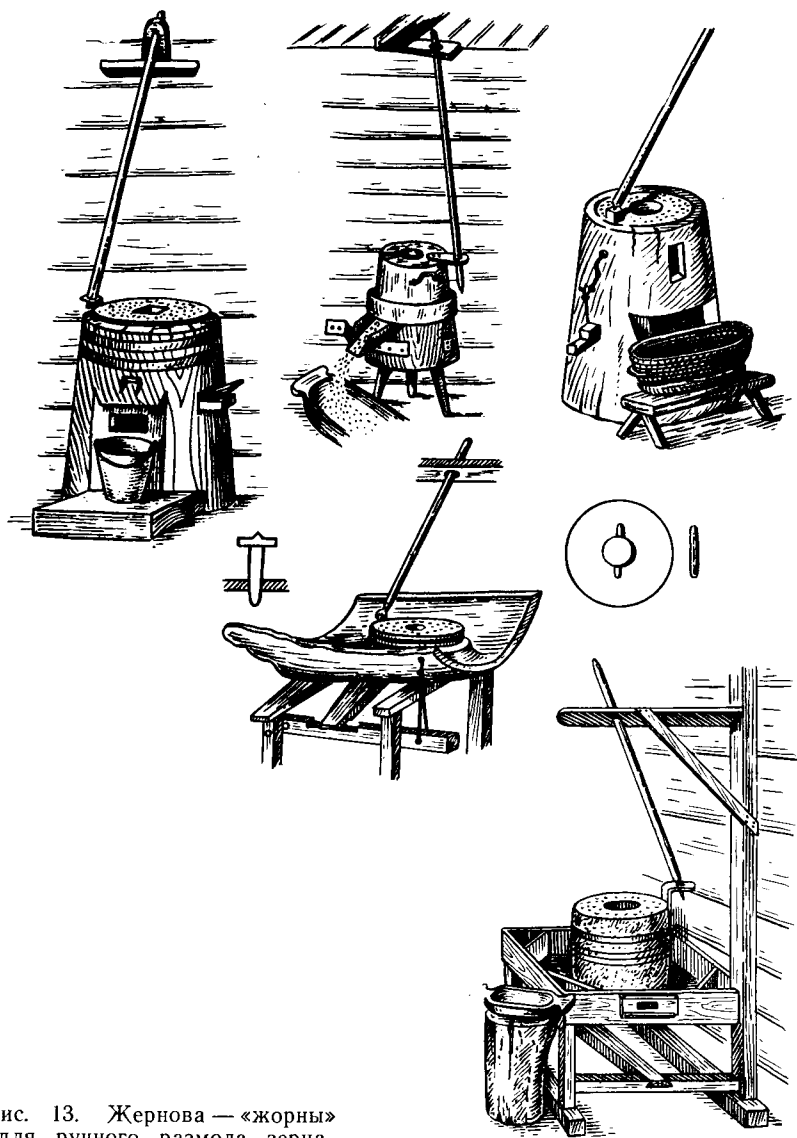


Рис. 13. Жернова — «жорны» для ручного размола зерна

Внутри клетей вдоль стен устраивали закрома — «засеки» или «оруды», разгороженные для разного вида зерновых. В Полесье, особенно в местах, где излишки зерновых хранились в стогах, в клетях часто не было засеков. Здесь зерно, муку и крупу для повседневного употребления ссыпали в специальные сосуды, которые ставили на полу клетей, а у крестьян-бедняков — нередко в сенах. В белорусском Полесье для хранения зерна и муки широко использовались долбленные деревянные сосуды — «кадлубы», «калдубцы», а также плетеные из соломы — «саламянікі», различной формы и вместимости. Хранение муки в длинных деревянных ящиках — «скрынях», сбитых из досок, характерно для восточных областей Белоруссии. В северо-восточных областях Белоруссии, где зерно хранили в обмолоченном виде, зажиточные крестьяне строили и

клеть, и амбар. В таких случаях в засеки клетки сыпали рожь, ячмень, просо, гречиху, овес и пр. на текущий расход, а в амбаре хранили отборное зерно в запас и на посез.

Переработку зерна на муку или крупу проводили по мере надобности. Хотя в XIX в., как пишет П. Бобровский, в мельницах не было недостатка и они были «на всех

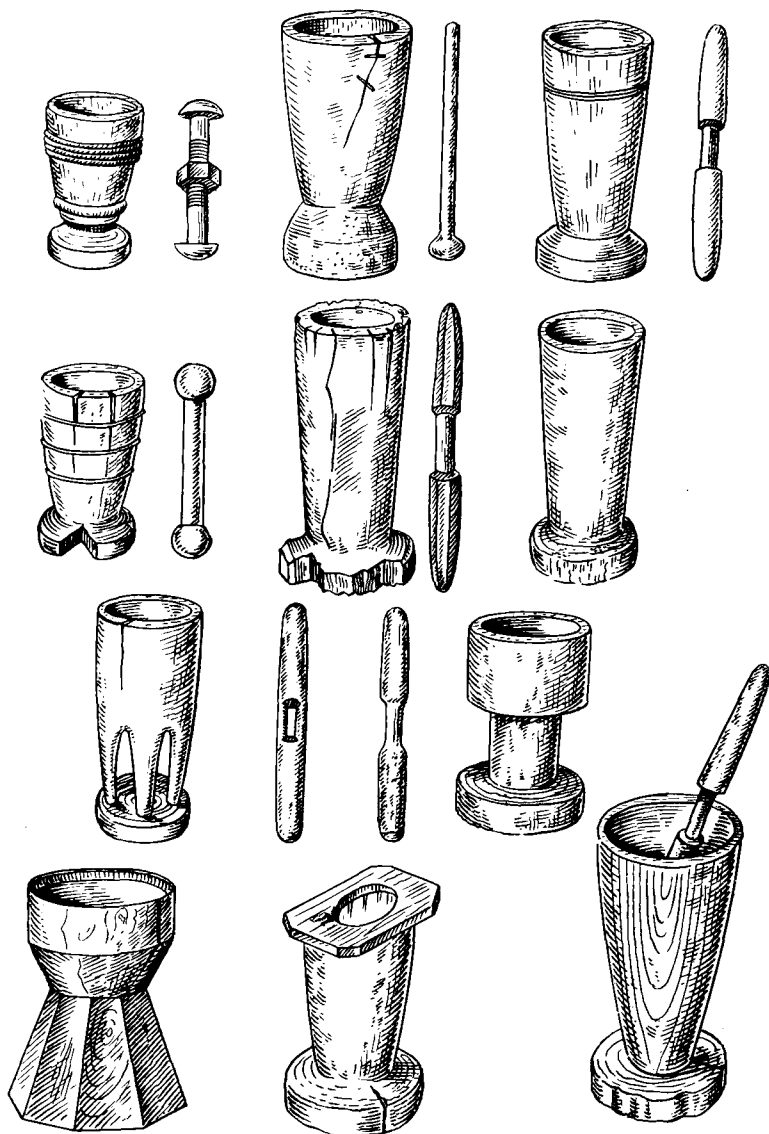


Рис. 14. Ступы

небольших речках, во всех городах и местечках»<sup>10</sup>, беднейшая часть крестьянства, однако, за неимением средств вынуждена была перерабатывать зерно в домашних условиях.

Почти во всех крестьянских хозяйствах имелись ручные мельницы — «жорны»; их можно было встретить еще в первые послереволюционные годы. Устройство рабочей части жерновов было однотипно для всей Белоруссии. Рабочая часть ротационных, вращательных жерновов состоит из двух камней (диаметром около 35 см, тол-

<sup>10</sup> П. Бобровский, Указ. раб., стр. 72.

щиной 12 см): нижнего неподвижного и верхнего, вращающегося вокруг оси — железного вертикального стержня, пропущенного через центр нижнего камня. Стержень этот опирается на подвижную подставку и имеет деревянную ручку, с помощью которой и приводится в движение верхний камень. Зерно засыпается между камнями через отверстие диаметром в 10 см, пробитое в середине верхнего камня. Жернова имели довольно длинную деревянную ручку (более метра), верхний конец которой вращался в гнезде, пробитом в балке, специально для этого укрепленной над жерновами.



Рис. 15. Толчение проса в старинной ножной ступе (дер. Новолесье Малоритского р-на Брестской области)

С помощью жерновов получали муку мелкого помола и крупу. В первом случае камни непосредственно лежали один на другом, для получения же крупы их немного раздвигали с помощью «поперечки» — деревянной или металлической, положенной на верхний конец центрального стержня нижнего камня.

В некоторых лесных районах, где было мало природного камня, беднейшая часть крестьянства вместо камней использовала деревянные круги, в поверхность которых вбивали гвозди и кусочки железа.

При сравнительной однотипности принципа работы жерновов и устройства рабочей части, подставки под жернова устраивали весьма разнообразно, но всегда с таким расчетом, чтобы работать можно было стоя. Чаще всего подставка имела вид ящика, сколоченного из досок и укрепленного на четырех ножках: длина и ширина ящика — около 60 см, высота — 70—80 см. Встречались также в различных местах Белоруссии подставки другой формы: в виде корыта, выдолбленного улья и пр. (рис. 13).

Для получения крупы широко пользовались в домашних условиях ступою и толкачом. Ступы, как правило, выдалбливали из дерева крепких пород, а дно ступы и конец толкача нередко для прочности имели оковку. Наиболее распространенной была цилиндрическая форма ступ. Варианты этой основной формы были обусловлены искусством мастера, изготавливающего ступу (рис. 14).

Кроме ручных ступ, в ряде мест Белоруссии были ножные ступы. Последние в конце XIX — начале XX в. встречались спорадически (как и у украинцев, поляков, народов Прибалтики) преимущественно в южной Белоруссии. Они зафиксированы в дер. Новолесье и Ланской Малоритского района Брестской области<sup>11</sup>, в дер. Бобры Мозырского района<sup>12</sup> и в ряде других мест<sup>13</sup>.

В районах бытования ножных ступ известны были и ручные ступы.

Ножная ступа у белорусов представляла собой четырехгранный чурбан высотой около 50—60 см с продолбленным чашеобразным углублением для засыпки зерна. Толкач укреплялся на длинном толстом брус-рычаге, который поднимался и опускался с помощью стоящего на нем человека (рис. 15). Работать на такой ступе было значительно легче, чем на ручной.

В ступах толкли на крупу овес, ячмень, просо, реже пшеницу. Зерно предварительно подсушивали на солнце, в русской печи или на печи. Ячмень во время толчения немного увлажняли, чтобы лучше снималась оболочка. Истолченный овес просеивали

<sup>11</sup> Материалы этнографической экспедиции 1953 г. Института истории АН БССР

<sup>12</sup> Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, М., 1929, стр. 34.

<sup>13</sup> Находка ножной ступы при раскопках Минского замчища, датируемого XI—XIII вв., показывает, что это орудие в древности было распространено значительно шире, чем в XIX в.

вали через редкое решето. Ячмень после толчения опять немного просушивали и затем, как и просо, очищали встряхиванием — «пололи» в небольших деревянных корытах — «апалушках»; остатки ячменной кожуры смывали водой, затем крупу снова просушивали.

Помещики и зажиточные крестьяне все свое зерно перемалывали на мельницах и крупорухах. В Белоруссии в XIX в. известны были водяные, ветряные и конные

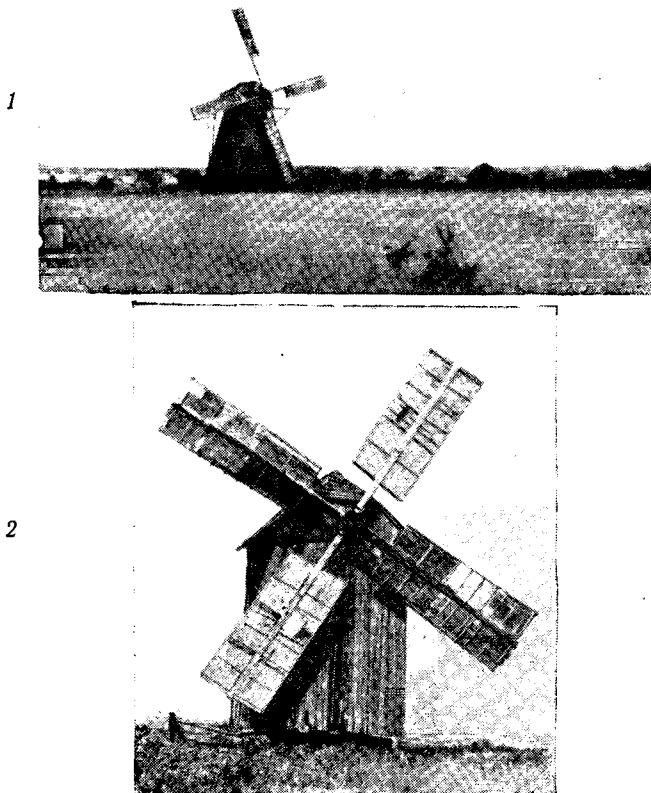


Рис. 16. Ветряные мельницы — «ветраки»: 1 — в дер. Шамово Мстиславского р-на Могилевской области; 2 — в дер. Качаловичи Несвижского р-на Минской области

мельницы. Мельницы водяные — «млыны» и ветряные — «ветраки» встречались повсеместно; нередко оба типа — в одной и той же местности. Мельницы, приводимые в движение лошадьми, строили значительно реже.

Ветряные мельницы ставили обычно где-либо за деревней, на открытом возвышенном месте. Наиболее широко по всей Белоруссии были распространены древние стержневые «ветраки», в которых вместе с крыльями по ветру поворачивался при работе весь корпус. Шатровые «ветраки», также весьма широко известные, представляли собой башневидное сооружение, установленное на бревенчатом срубе, чаще многоугольном в плане. Высота сооружения до «шапки» — верхней подвижной части — достигала 15 м, высота «шапки» — 2,5 м. Крылья (около 10 м длины, до 1 м ширины) прикреплялись к брусу «шалки». Под основание «шапки», регулирующей движение крыльев по ветру, приложены два поворотных бруса, вращающихся на поворотном колесе (рис. 16). «Ветраки» подобного устройства встречались в юго-восточных районах, а также в средней полосе Белоруссии, на Могилевщине. Очертить определенные границы распространения обоих типов пока не представляется возможным, так как материалы о мельницах весьма скудны.

Водяные мельницы — «млыны» сооружали у небольших речек и ручьев. Для водяных мельниц на реках устраивали плотины, падением воды с которых и приводились в движение мельничные колеса (рис. 17).

Рабочая часть ветряных и водяных мельниц была устроена по принципу жерновов, где вода и ветер заменили ручной труд.

\* \* \*

Как показывают приведенные материалы, в сельскохозяйственном производстве белорусов в конце XIX — начале XX в. наряду с появлением новых орудий (механические веялки, молотилки и пр.) сохранялось много архаичного (первобытные ступы и жер-

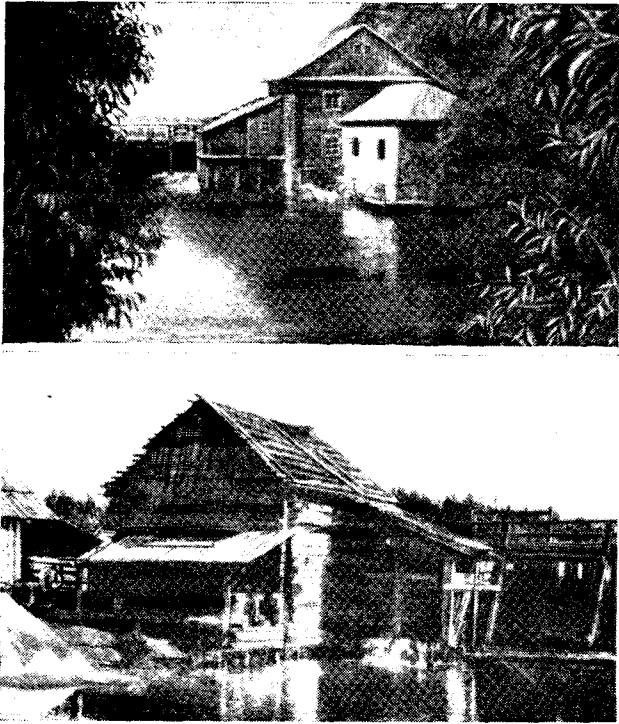


Рис. 17. Водяные мельницы — «млыны»: 1 — в дер. Гора Борисовского р-на, Минской области, 2 — в дер. Барань Минского р-на

нова). Это в равной мере касается и способов первичной обработки зерновых. Развивающийся во второй половине XIX в. капитализм способствовал прогрессу в сельскохозяйственном производстве преимущественно в крупных, помещичьих хозяйствах, тогда как многомиллионная масса крестьян продолжала пользоваться отсталыми способами и орудиями сельскохозяйственного производства.

Древние орудия уборки зерновых (серпы) и орудия для первичной обработки сельскохозяйственного сырья (цепы, веялки, ступы и пр.) были однотипны по всей Белоруссии. Различия в их устройстве и способе использования касались лишь второстепенных деталей. Значительные областные особенности наблюдаются в подготовке зерновых к обмолачиванию. В формировании этих особенностей сельскохозяйственного производства определенную роль сыграли климатические условия. Раннее наступление дождевого периода и зимних холодов в северных районах обусловили распространение огневых сушилок и оказали влияние на сроки обмолота; в целях экономии топлива было нецелесообразно оттягивать молотьбу до зимы. В юго-западных районах, где климат значительно теплее, лето продолжительнее, достаточно было солнечно-воздушной сушки зерновых и не было необходимости спешить с обмолотом, так как сухие снопы могли продолжительное время храниться под крышей, а также в стогах. Некоторые особенности сельскохозяйственного производства сформировались в определенной этнической среде, вместе с которой и распространились.

Земледельческая культура белорусов формировалась в тесном взаимодействии с культурой соседних народов (русских, украинцев, поляков, прибалтийских народов). В общей своей основе земледельческая культура белорусов тесно и многосторонне связана с культурой земледелия у русских и украинцев, причем это единство проявляется не только в пограничных областях, а гораздо шире, свидетельствуя о более глубоких генетических связях этих народов.